

РОБЕРТО САНТЯГО

Детективы Футболисты

ТАЙНА
СОКОЛИНОГО
ГЛАЗА

REC
CAM 3
12:04

ИЛЛЮСТРАЦИИ
Энрике Лоренсо

Роберто Сантьяго
Детективы-футболисты.
Тайна Соколиного глаза
Серия «Детективы-футболисты»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66892043

Детективы-футболисты. Тайна Соколиного глаза: Издательство

АСТ; М.; 2021

ISBN 978-5-17-144780-9

Аннотация

Можете ли вы себе представить, что в реальной жизни есть возможность перемотать время назад и увидеть повтор события в замедленной съёмке? Это может «Соколиный глаз»: он записывает весь матч, чтобы в любой момент можно было пересмотреть запись и понять, был ли гол, фол или офсайд.

Роберто Сантьяго работал сценаристом на телевидении, редактором и продюсером. Серия про детективов-футболистов стала настоящим культурным феноменом – это одни из самых продаваемых книг в Испании, они переведены на разные языки мира, а в 2018 году даже были экранизированы.

Для младшего школьного возраста.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

1	7
2	12
3	23
4	31
5	38
6	45
7	52
8	59
9	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Роберто Сантьяго

Детективы-футболисты.

Тайна Соколиного глаза

El misterio del ojo de halcón

© Text by Roberto Santiago

© Illustrations by Enrique Lorenzo

© Ediciones SM, 2014

Russian translation Copyright © 2021 by AST Publishers Ltd.

Russian edition published by arrangement with Ediciones SM

Through Dos Passos Agencia Literaria

All rights reserved.

© Фадеева Е., перевод, 2021

© Издательство АСТ, 2021

Вот как было дело.

Начинался снег. Я стоял посреди леса, один, под огромным деревом, прислонившись спиной к стволу. Было так тихо, что я мог слышать собственное сбившееся дыхание.

Я огляделся вокруг. Никого. В моих руках была винтовка Т68. Я нажал на спусковой крючок, и в этот момент мне на голову упали первые снежинки. Надо было торопиться, если

я не хотел, чтобы всё стало ещё хуже.

Пора было выбираться, хоть и рискуя быть обнаруженным. Я сделал глубокий вздох, второй, третий... И побежал изо всех сил с винтовкой наперевес, которая с каждым шагом становилась всё тяжелее. И тут в нескольких метрах от себя я услышал голоса.

– Он там! – закричал кто-то.

Через несколько секунд раздался первый выстрел. Стреляли совсем близко, и меня чудом не задело. Я продолжил бежать что есть мочи, растительность вокруг становилась всё гуще. Земля была так плотно покрыта листьями, что я не знал, с какой стороны ждать опасности: ведь под этими листьями могли скрываться ловушки. Но мне не оставалось ничего, кроме как, рискуя, продолжать свой бег.

Я бежал со всех ног, но, несмотря на мои усилия, голоса раздавались всё ближе и ближе.

Я слышал шаги и хруст веток, которые ломались от их движений, и надорванные голоса. Их было двое. Или, может быть, трое. И они были готовы вот-вот наброситься на меня. Времени почти не оставалось. В боку у меня закололо. Я прижал руку к больному месту, продолжая держать ружьё другой рукой, но не сбавлял скорости.

И тут наконец я его увидел.

Он был прямо передо мной, в нескольких метрах. Я гонялся за ним всё утро, и вот наконец он оказался у меня перед глазами. Я бросился к нему, споткнулся о корень и чуть было не упал, но вовремя схватился за ветку, удержался и

снова бросился бежать. Вдруг я понял, что где-то потерял винтовку. Пока я обшаривал кусты в поисках своего оружия, вновь слышались голоса. Я замер. Было так тихо, что мне казалось, я слышу, как падают снежинки. Голоса приближались. Времени совсем не оставалось. И тогда я решил плюнуть на винтовку и бежать без неё. Не думая ни о чём, я бросился к своей цели.

По дороге я увернулся от нескольких веток, перепрыгнул через пару поваленных деревьев, пересёк заросли кустарника и обежал груды камней. Я наступил в лужу и промочил ноги, но меня это не волновало.

Теперь я слышал не только крики, но и дыхание, я чувствовал противника совсем рядом, прямо у себя за спиной.

Я бежал всё быстрее и быстрее. Я задыхался, а голени болели так, словно кто-то вонзал в них иголки. Но мне нельзя было останавливаться. Я должен был прибежать первым. И у меня были все шансы добиться этого.

Ещё несколько шагов, ещё...

И тут раздалась стрельба. Чтобы увернуться от выстрела, я разбежался и прыгнул, вытянув вперёд руки. И... у меня получилось! Я схватился за флагшток двумя руками. И в этот момент мне в спину что-то ударило.

– Раньше, касание было раньше! – закричал Камуньяс.

– Что за чушь ты несёшь! – запротестовал Тони. – Он дотронулся до флага после выстрела, и все это видели.

Стоял декабрь. До Рождества оставалось несколько дней. В горах было ужасно холодно, а мы всё утро провели здесь в поисках чёрного флага. Того самого флага, который в данный момент был у меня в руках. Алисия и Фелипе, тренеры

нашей футбольной команды, спрятали его в лесу.

После этого они раздали всем ружья для пейнтбола и разделили нас на две команды. В синей команде были Грустный, Томео, Камуньяс и Пакет, то есть я.

В красной – Алёна-не-путать-с-Еленой, Тони, Мэрилин, Анита и Восьмой.

Мы все играем в одной команде по футболу «Сото Альто». В этом году мы начали регулярно принимать участие в чемпионате Лиги Интерсентрос. Ну, «регулярно», наверное, будет слишком сильно сказано. По правде говоря, мы начали очень плохо. Из девяти игр у нас было девять поражений. Мы проигрывали одну игру за другой, и никто не мог объяснить, почему так происходит. Нет, мы, конечно, не самая сильная команда. Но проиграть все игры! Ничего подобного с нами раньше никогда не случалось. И это в тот год, когда на нас возлагали большие надежды.

Эстебан, директор нашей школы, так и сказал:

– Мы возлагаем на команду большие надежды.

Но пока что мы проиграли первые девять игр Лиги. И это, без сомнения, был отрицательный рекорд.

Именно поэтому Алисия и Фелипе решили, что нужно восстановить наш командный дух. С этой целью они устроили нам войнушку в лесу. Не настоящую, конечно, потому что в руках у нас были пейнтбольные ружья, и стреляли мы не настоящими пулями, а желатиновыми шариками с краской. Впрочем, снег и мороз, которые нам приходилось терпеть,

были вполне себе настоящими.

– Вам нужно будет бороться вместе, ради общей цели, – сказал Фелипе.

– Вспомнить, что вы настоящая команда, – добавила Алисия.

– Но как же мы можем быть настоящей командой, если нам придётся стрелять друг в друга шарами с краской? – спросил Грустный.

– Ну, вы понимаете, о чём я, – хмыкнул Фелипе. – Мы

разделили вас на две команды, но в то же время вы одна команда.

– Вот именно, – сказала Алисия, – команда, способная пойти на жертву, приложить усилие...

– ...чтобы пуляться шариками с краской, – продолжил Камуньяс.

– Да, – кивнул Фелипе, просто чтобы не продолжать этот разговор.

И игра началась.

Победившей считалась команда, сумевшая первой найти

и схватить чёрный флаг.

Проблема состояла в том, что если в тебя попадали шариком с краской, ты выбывал из игры. Вот об этом и шёл сейчас спор: схватился я за флагшток до и после выстрела?

– До! Он дотронулся до выстрела! – орал Томео.

– Но если в него стрельнули, и потом он схватился за флагшток, мы все должны были это видеть, – возразила Мэрилин. – Так мы видели это или не видели?

В автобусе, который вёз нас обратно в колледж, дискуссия продолжилась.

– Главным было само мероприятие, – сказала Алисия, – а не то, кто выиграл.

– Ну конечно, – буркнула Анита, – тебе легко говорить, ты же не скакала всё утро по горам, уворачиваясь от шариков с краской.

– Вы, тренеры, должны решить, кто победил, это ваша обязанность, – сказал Тони очень серьёзно.

Мы все посмотрели на Алисию и Фелипе, которые сидели в передней части автобуса. Тренеры повернулись, улыбаясь, затем они посмотрели друг на друга.

– Если честно... – начал Фелипе.

– Если честно, узнать это абсолютно невозможно, – закончила Алисия.

– То есть как?! – воскликнул Камуньяс.

– Но как-то же это всё-таки можно выяснить! – сказал я.

– Ну а как? У нас же нет записи игры, мы не можем пере-

смотреть её или пустить в замедленной съёмке, например, – объяснила Алисия.

– Вот так подстава! – сказал Восьмой. – Столько бегать и в результате не знать, кто выиграл...

– Мы выиграли, – сказал Тони. – Шарик попал ему в спину до того, как он схватился за флажок...

– Между прочим, выстрел в спину – это вообще низко, – заявил Камуньяс. – И он совершенно точно держался за флагшток, когда в него попали.

Спор разгорелся с новой силой. Кроме того, что Камуньяс – мой лучший друг, он ужасно упрямый и никогда не сдаётся.

Пока все спорили, Алёна-не-путать-с-Еленой, которая, если кто не знает, моя соседка и лучший бомбардир команды, а ещё девочка с самыми большими глазами в колледже, подошла ко мне и сказала:

– Вообще-то в жизни должна быть такая штука, с помощью которой прошлое можно было бы увидеть в замедленном темпе. Как ты думаешь, Пакет?

– Э-э-э... ну да, – сказал я, просто чтобы что-то ответить.

– Если бы ты мог выбрать один момент из своей жизни и пересмотреть его с замедленной скоростью, какой бы ты выбрал? – спросила она.

– Ну...

Я посмотрел на неё и подумал, что если бы я мог пересмотреть один момент своей жизни в замедленной съёмке, то это совершенно точно была бы не сегодняшняя история,

когда я первым схватил чёрный флажок... Не был бы это и наш победный футбольный матч, который состоялся прошлым летом. Даже момент, когда мы чудом в последнюю секунду спаслись от перехода во второй дивизион, я бы не стал выбирать для того, чтобы пересмотреть... Нет, если бы мне пришлось выбрать одну сцену, я бы выбрал свой первый в жизни поцелуй. Который, кстати, подарила мне Алёна на футбольном поле, ночью, несколько месяцев назад.

Вот о чём я подумал.

– Так какой момент ты бы выбрал? – настаивала Алёна.

Я ещё раз посмотрел на неё и сказал:

– Я не очень уверен, но, наверное, я бы выбрал тот момент, когда я забил пенальти в последнюю секунду, и мы спаслись от перехода во второй дивизион.

Алёна улыбнулась. И сказала:

– Ну конечно, естественно.

Когда Алёна смотрит на тебя своими огромными глазами, возникает ощущение, что у неё сверхспособности, и она может угадать, о чём ты думаешь.

– Мы победили, больше не о чем говорить! – сказала Мэрилин.

Спор в автобусе продолжался. И хотя я и был главным объектом дискуссии, по правде говоря, в тот момент мне было глубоко наплевать и на чёрный флажок, и на пейнтбольные шарики с краской.

– Не хочу вас расстраивать, – сказал Грустный, который в любой ситуации видел только плохое, – но, по-моему, с этой затеей с пейнтболом вы не восстановили командный дух, а добились противоположного результата...

На этот раз Грустный был прав. Фелипе и Алисия пытались навести порядок, но, похоже, это было невозможно. Горячий спор продолжался на протяжении всей поездки. Я выглянул в окно. Снег всё падал.

Я заглянул в телефон, чтобы проверить сообщения.

14:02. Франциско, когда вернёшься, убери постель.

14:03. Франциско, не забудь полить цветы, а то они вянуть начинают.

14:15. Ладно, лучше не поливай, а то ещё зальёшь, и они погибнут.

14:16. Или полей, но чуть-чуть, не переборщи, а то я тебя знаю.

14:17. Франциско, сними высушенную одежду и не забудь хорошенько её сложить.

14:18. Я подумала, пусть лучше твой отец польёт растения, если вспомнит, конечно.

14:19. И ЗАСТЕЛИ КРОВАТЬ!

В общем, вы уже, наверное, поняли, что Франциско – это я. Хотя некоторые называют меня Пако, Пакито или даже Пакетом.

Из-за того что приближалось Рождество, моя мама сутки напролёт пропадала в сувенирном магазине, где она работает

продавщицей. И так как у неё не оставалось времени больше ни на что, мы с моим братом и отцом целыми днями получали от неё распоряжения в электронном виде.

Рождество – отличное время для подарков и всякого такого. Но в моём доме это ещё и самая спорная пора. Ну, то есть это время, когда у нас больше всего спорят.

Моя мать спорит с моим отцом.

Мой отец спорит с моим старшим братом.

Мой брат без конца раздаёт мне подзатыльники.

Я спорю с мамой.

И так без конца...

– У меня тоже много работы, Хуана. Перед Рождеством всегда много грабежей, усиливается преступность, – сказал тем утром мой отец, который работает муниципальным полицейским.

– Не говори ерунды, Эмилио, – сказала Хуана (так зовут мою маму). – У нас тут никогда ничего не происходит.

По правде говоря, в Севилье-ла-Чике действительно почти нет преступности, грабежей или тем более убийств. И Рождество – не исключение. А так как все домашние дела поделены у нас поровну между всеми четырьмя членами семьи, моему отцу всё время приходится оправдываться как наименее загруженному по работе. Только его оправдания никто не берёт в расчёт. Ну, потому что все знают, как обстоят дела на самом деле.

Рождество. Время мира, гармонии и любви. Так говорится

в рекламных роликах. По всей видимости, нашего дома это не касается.

Когда автобус подъехал наконец к дверям колледжа, дискуссия о чёрном флажке всё ещё продолжалась. И в этот момент произошла вещь, которой никто не ожидал. Она была настолько удивительная, что, ещё секунду назад увлечённые спором, мы разом замолчали.

А случилось вот что. Когда мы подъехали, то увидели, что у дверей школы собралась огромная толпа. Все смотрели в одном направлении – на гигантское граффити на фасаде колледжа, припорошенного снегом.

На стене красовалась огромная надпись, сделанная красной краской. Ученики, учителя, просто зеваки – все смотрели на неё.

Надпись гласила:

АЛЁНА И КАМУНЬЯС ЦЕЛОВАЛИСЬ.

Всем известно, что Алёна-не-путать-с-Еленой – самая красивая девочка в классе и, быть может, самая красивая в колледже. Известный факт также и то, что у Камуньяса огромные уши и что он отродясь не нравился девчонкам.

Но в последнее время положение дел, похоже, начало меняться, потому что в начале этого учебного года Камуньяс сделался парнем Мэрилин, ну, может, не совсем парнем, но что-то между этими двоими явно происходило. По крайней

мере, они везде ходили вместе. А видеть Камуньяса с девочкой – это уже само по себе экзотика. Мало того! Теперь он ещё и целовался с Алёной!

Во всяком случае, так было написано на стене колледжа.

– Хочу заметить на всякий случай, что эта надпись не поменяется, сколько бы вы на неё ни смотрели, – сказала Алисия.

На самом деле мы уже довольно давно пялились на стену колледжа, не зная, что и думать. Точнее так: думая о слишком многих вещах.

Во-первых, конечно, мы все не спускали глаз с Алёны и Камуньяса, стараясь понять, какое выражение у них на лицах и прислушиваясь к их разговорам. Ещё мы следили за ре-

акцией Мэрилин, которая с первого момента приняла очень серьёзный вид. Лично я наблюдал ещё за Тони, чьи брови то и дело то поднимались, то опускались, а губы шевелились, будто внутри его головы что-то варилось.

Несмотря на то что он сам это отрицает, Алёна, вне всякого сомнения, нравится Тони.

Я сам всегда говорю «нет», когда кто-то подозревает меня в симпатии к ней, но, положив руку на сердце, мне она тоже очень нравится. Впрочем, это совсем другая история, не имеющая отношения к делу.

А дело было в том, что мы все стояли у стены колледжа, смотрели на таинственную надпись и переглядывались. Анита, Восьмой и Томео ещё и перешёптывались, косясь на Мэрилин. Я смотрел на главных виновников происшествия – Алёну и Камуньяса, которые стояли с открытыми ртами, всем своим видом выражая непонимание происходящего.

Первой тишину нарушила Анита. Она подошла к Мэрилин, положила руку ей на плечо и сказала:

– Ты в порядке, Мэрилин?

– А почему это я должна быть не в порядке? Меня совершенно не волнует, что там делает Камуньяс, – отозвалась та.

Но по тону её голоса было ясно, что ей далеко не всё равно.

– Не волнуйся. Это, наверное, враньё, – продолжала Анита.

– Да не волнуюсь я, – сказала Мэрилин.

– Давайте будем трезво смотреть на вещи, – предложил Восьмой. – Алёна и Камуньяс целовались? Я вас умоляю.

– Вот именно, – сказал я. – Это невозможно.

– Эй, эй, эй, а почему это мы не могли целоваться? – подал голос Камуньяс. И тут же осознал, какую глупость ляпнул. – Нет, я не говорю, что это было на самом деле, – начал он путаться в показаниях, – я говорю, что в теории могло быть, почему бы и нет?

Всё это он произнёс, глядя на Мэрилин, но та, похоже, не хотела в этот момент знать о его существовании.

– Чую я, дело плохо кончится, – вздохнул Грустный.

– А мы не могли бы обсудить всё это после полдника? – вмешался Томео. – Я не ел с тех пор, как мы вышли из леса, а моя мама говорит, что каждые два часа я должен питаться, потому что мой организм нуждается в углеводах!

Конечно, никто не обратил на него внимания. В итоге мы снова переключились на Алёну и Камуньяса, которые стояли красные, как помидоры. Нас всех беспокоила одна мысль, и Тони первым решился её озвучить:

– Вы сейчас такие красные, потому что вам просто стыдно или потому что написанное на стене – правда? – спросил он, встав напротив Камуньяса, который смотрел на него с испуганным видом.

– Я, я, я... – мямлил Камуньяс, не в силах закончить предложение.

– Что – ты? – спросил Тони и подошёл почти вплотную

к товарищу.

– Я хочу сказать, как глупо всё это, – наконец выдавил тот из себя. – Что за идиотская выходка. Как неприятно.

Тут к говорящим подошла Алёна и встала между Камуньясом и Тони.

– Мне кажется, надо выяснить, кто всё это сделал.

– Так это правда? – спросил Тони.

– А тебе какое дело? – ответила Алёна.

– Это моё дело, до чего иметь дело, – выпалил Тони.

– Правильно, я тоже так считаю, каждый имеет право знать, – сказал я.

– А ты не лезь. Ты тут вообще ни при чём.

– А ты, значит, при чём?

Тони повернулся ко мне и посмотрел на меня сверху вниз. Похоже, он собирался толкнуть меня или даже ударить кулаком. Он выглядел ужасно злым, и на мгновение я подумал, что сейчас он воспользуется случаем и расплатится со мной за всё.

– Не ссорьтесь, – сказал Камуньяс. – Не ссорьтесь из-за ерунды.

Мы с Тони посмотрели на Камуньяса. Я не понимал, что происходит.

Мне нетрудно было представить, как Алёна целует Тони или кого бы то ни было. Но... Камуньяса? Камуньяса, Ушастого? Моего лучшего друга Камуньяса? Сама мысль об этом казалась странной.

Я посмотрел на Алёну. Но она отвела глаза. Кажется, она впервые сделала такое при мне, и из-за этого всё происходящее начало казаться ещё более странным.

Фелипе и Алисия, которые всё это время наблюдали за нами с расстояния, в конце концов, подошли к нам.

– Ладно, ребят, достаточно, по-моему, это всё не имеет значения. Посмотрите лучше, какой снег идёт. День сегодня чудесный... – начала уговаривать нас Алисия.

Однако Фелипе, который до того момента скрывал своё отношение к происходящему, но которого явно позабавила история с поцелуем, жестом остановил её.

– Пусть обсуждают, милая, для них это важно, – сказал он.

– С каких это пор дурацкая надпись, оставленная неизвестно кем, становится важной темой для разговора? – возразила его жена, то есть Алисия.

Насколько я знаю, Сото Альто – единственная команда в мире, которую тренирует супружеская пара. С тех пор как летом эти двое поженились, они ужасно много спорили. Правда, очень быстро мирились. Иногда с ними было очень тяжело.

– Ты взгляни на это с другой стороны. Это ведь тоже командная работа, как пейнтбол. Надо дать возможность ребятам самостоятельно решить задачу, с которой они столкнулись. И не вмешиваться, за исключением самых крайних случаев, – сказал Фелипе.

– Что-то мне подсказывает, этот крайний случай скоро на-

станет, – отозвалась Алисия.

– Можно я пойду? – спросил Грустный.

– Так вы будете это объяснять или не будете объяснять? – сказал Тони, обращаясь к Алёне и Камуньясу и кивая в сторону надписи.

– Да, зануда, да, мы объясним, – сказала Алёна. – У всего ведь есть своё объяснение, не так ли, Камуньяс?

Камуньяс сглотнул и покачал головой. Тони поднял обе руки, как бы желая сказать: «Свершилось!»

– На днях случилась очень забавная вещь... – начала Алёна, но тут её прервал какой-то голос.

– Мы ждали вас, – сказал кто-то.

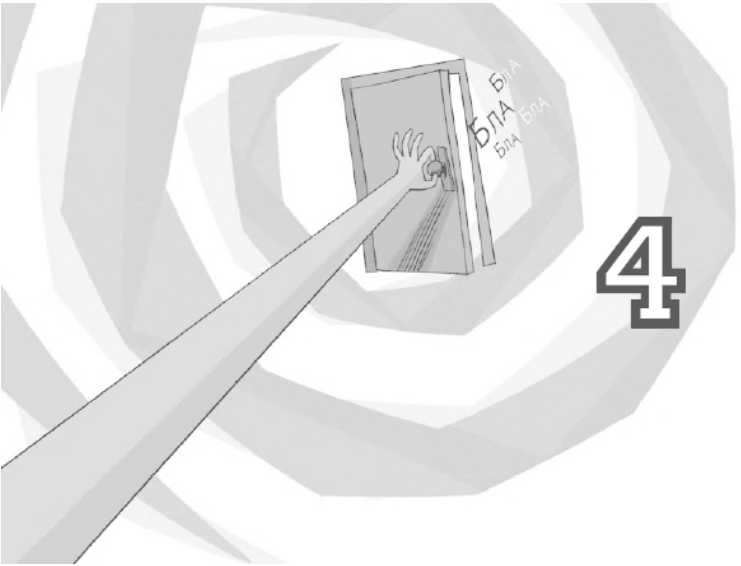
Мы обернулись. Это был Эстебан, директор школы.

– Наконец мы все в сборе, – сказал Эстебан.

Его сопровождал Херонимо Льоренте, президент Лиги Интерсентрос. Оба буквально сияли и выглядели очень довольными.

– Пойдёмте все с нами, нам нужно объявить вам кое-что важное, – сказал Эстебан, улыбаясь во весь рот.

Каждый раз, когда Эстебан собирался сообщить нам что-то важное, происходила какая-нибудь беда.

Иногда мне снится, что я иду по коридору. Иду к какой-то двери, по ту сторону которой слышны шёпот и голоса. Я открываю дверь и оказываюсь в зрительном зале в театре. Театр очень большой. Когда я захожу, зал замолкает, и тут все начинают оборачиваться на меня и показывать пальцем. И такую реакцию можно понять: ведь я голый. Ужасный, отвратительный сон. Стоять в одиночестве голым перед мно-

жеством одетых людей – одно из худших ощущений, которые я когда-либо испытывал в жизни. Пусть и во сне.

К счастью, в тот день я не был раздет, и одиноким меня тоже нельзя было назвать. В актовый зал школы мы зашли всей командой. Это было почти как в моём сне: мы прошли через центральную дверь в зал... а там нас уже дожидалась вся школа. Когда мы входили, все замолчали и уставились на нас, кое-где были слышны разговорчики. Создавалось ощущение, что многие были в курсе, что сейчас произойдёт. Хотя лично у меня на этот счёт не было вообще никаких мыслей.

Я уже собрался усесться на одно из немногих свободных мест, но тут Эстебан повернулся ко мне и сказал:

– Нет, ребят, вы поднимаетесь на сцену вместе со мной. То, о чём я буду говорить, касается вас непосредственно.

– В прошлый раз, когда вы сообщали нам нечто важное, мы чуть не потеряли место в Лиге, – сказала Алисия, поднимаясь по ступенькам вместе с Эстебаном.

– Опять этот негатив! Выше нос, вас ждут отличные новости, – сказал директор и подмигнул Алисии.

– Более чем отличные, – добавил Херонимо Льоренте.

На сцене нас заставили выстроиться в ряд за Эстебаном и Херонимо.

Херинимо сделал жест рукой, словно он торопил кого-то, кто был за кулисами, и кого мы не видели. Потом на сцене появился Раду, наш уборщик, который толкал перед собой

стол на колёсах. Стол был накрыт простынёй, под простынёй что-то явно находилось.

Раду медленно подошёл к центру сцены, заметно нервничая при этом, потому что весь зал на него смотрел. Оставил стол и ушёл.

– Мы собрали вас сегодня: родителей, учеников, жителей Севильи-ла-Чики, – чтобы сообщить отличные новости. В это Рождество в нашем дорогом городе впервые состоится национальный Рождественский турнир по футболу! – произнёс директор таким тоном, как если бы он сообщал что-то удивительное, и начал хлопать сам себе. Зал подхватил аплодисменты, но без особого энтузиазма.

– Но главная тайна этого турнира, секрет, которого никто из вас не ожидает и который надёжно охранялся в течение всего года, – это его участники, – произнёс Херонимо, выйдя вперёд и встав напротив микрофона.

Потом он сделал знак Раду, и тот снял простыню со стола. На столе оказался плазменный экран, довольно внушительного размера.

– Та-дам! – сказал Эстебан.

На экране появилось видео, а точнее презентация с фотографиями. Начальные титры гласили:

**1-Й РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЧЕМПИОНАТ**

ПО ФУТБОЛУ. СЕВИЛЬЯ-ЛА-ЧИКА.

По залу пробежал лёгкий ропот. И тут появились следующие титры.

УЧАСТНИКИ

Сначала на экране возникло изображение сине-красной формы Барселоны, а затем нам показали видео с участием лучших игроков из юношеской команды Барсы, в котором они играли, забивали голы, выигрывали матчи и получали награды.

– Барса, – восхищённо выдохнул Томео.

– Да, чувак, и не говори, – сказал Камуньяс.

Мы все понимали, о какой команде идёт речь, но на экране всё равно высветилось:

ФК БАРСЕЛОНА

Вслед за этим по залу прокатилось долгое: «О-о-о-о-о-о-о». И все зааплодировали.

– Барса приедет к нам играть! – завопил Тони, хотя и так было понятно, что это круто.

Затем на экране появился следующий кадр: мальчик лет одиннадцати очень низкого роста финтит мячом на середине поля, забивая вслед за этим мощнейший гол.

– Оливарес! – выкрикнул я.

Я знал эту игру наизусть. Я обожал этого футболиста. Виктор Оливарес, нападающий детско-юношеского отделения «Атлетико Мадрид». Я всю жизнь мечтал поиграть с ним. А теперь, по-видимому, я смогу наблюдать его игру вживую. Когда на экране показался герб команды и название: АТЛЕТИКО МАДРИД, у меня мурашки побежали по коже.

– О-о-о-о-о-о, – снова закричали все.

Я начал дико хлопать в ладоши.

– Атлетико и Барса едут в наш город?? – закричал на весь зал Томео.

Но на этом всё не закончилось.

По залу пробежал ропот, все начали удивлённо размахивать руками, но когда на экране высветились новые титры,

оживление ещё больше усилилось.

Надпись гласила:

РЕАЛ МАДРИД

Зал как с цепи сорвался. Люди яростно аплодировали. Игроков юношеской команды Реал Мадрид, которые появились после этого в презентационном ролике, мы, конечно, тоже хорошо знали.

Сияясь перекричать зал, Херонимо Льоренте сказал:

– И, наконец, последний участник турнира!

Мы замерли и с нетерпением посмотрели на экран. Буквы замерцали, наконец всплыло название последней команды-участницы:

СОТО АЛЬТО

По залу пронеслось: «ЧТО???»

Сото Альто будет играть с Реал Мадридом, Барсой и Атлетико? В нашем городе?

Херонимо и Эстебан удовлетворённо переглянулись и первыми начали аплодировать, вскоре к ним присоединились все остальные. В зале начался ужасный шум: все кричали и хлопали.

– Ну, что скажете? Что скажете? Мадрид, Барса и Атлетико в нашем городе! – в эйфории повторял Эстебан, оглядываясь на нашу команду.

– Турнир будет организован в формате лиги, «каждый против всех», и пройдёт в три этапа в рождественские каникулы, – продолжил Херонимо.

Зрители снова захлопали. Вся эта канитель с аплодисментами продолжалась довольно долго. Каждый раз, когда директор с Херонимо что-то произносили, зал принимался рукоплескать.

– Формат лиги.

Аплодисменты.

– Каждый против всех.

Опять аплодисменты.

– Три этапа.

Бурные аплодисменты.

Наконец Херонимо Льоренте сказал:

– Всё. Надеюсь увидеть вас на турнире.

Раздались последние аплодисменты. После этого люди начали покидать актовый зал. Когда мы остались наедине с Эстебаном и Херонимо, мои товарищи по команде и наши тренеры начали засыпать их вопросами.

Между тем я думал только об одном.

– Мы будем играть с Атлетико! – воскликнул я.

Дело в том, что я болею за Атлетико. Вся моя семья болеет за них. И я не знаю ни одного человека на земле, который

болел бы за Атлетико активнее, чем моя мать. И вот теперь мы собираемся с ними играть. Немыслимо!

– Они точно нас подпишут! – сказал Камуньяс.

– Ты же вроде за Реал Мадрид был, – ответил я.

– Профессионал должен идти туда, куда его позовут, – сказал Камуньяс таким тоном, каким говорят игроки, которые дают интервью на телевидении.

– Тебе лучше подписать контракт с Реал Мадридом. А я останусь с Атлетико, – сказал я.

– Как хочешь, – сказал он, явно думая о чём-то своём.

В это время Фелипе разговаривал с Херонимо Льоренте.

– ...одни чемпионы Европы среди юниоров, – говорил Фелипе, – другие – чемпионы национальных лиг, это очень хорошие игроки, и...

– Вот как раз потому, что они очень хорошие игроки. Поэтому, – прервал его Херонимо, – это прекрасная возможность для вас, для города и для Лиги Интерсентрос – да вообще для всех, Фелипе.

– Прекрасная возможность выставить себя дураками, – сказала Алисия.

– Напоминаю, что этим летом вы играли в турнире против очень сильных команд, – сказал Эстебан. – И выступили прекрасно.

– Там было всё по-другому, – сказала Алисия, – и, кроме того, посмотрите, какая в последнее время у нас была полоса: мы проиграли все игры Лиги.

– Ну, тут, как говорится, главное – участие, – возразил Херонимо. – Выше нос, ребята, скоро Рождество.

– А когда именно состоится матчи турнира? – спросил Фелипе.

– Ну...

Эстебан и Льоренте переглянулись.

– На Рождество, как и следует из названия турнира, – сказал Эстебан.

– Значит, первая игра... – встревоженно начала Алисия.

– Совершенно верно: первая игра состоится через три дня, – сказал Херонимо.

– Что-о-о?

– Как?

– Это издевательство! – закричал Фелипе.

– Я протестую! – воскликнула Алисия.

– Они нас угробят, – сказал Грустный.

– Мы с Херонимо пытались вести переговоры на этот счёт,

но в итоге ничего не получилось, – вздохнул Эстебан.

– Однажды мы с Эстебаном обедали вместе, – сказал Херонимо. – Тут нам приносят десерт, крема каталана, и мне в голову вдруг приходит эта мысль. Я говорю: «Эстебан, а ты можешь представить себе Барсу и Реал Мадрид играющими в Севилье-ла-Чике?».

– Я говорю: «Почему бы и нет?», – продолжил Эстебан. – В общем, слово за слово, так мы придумали этот план. Каково, а?

– Мы несколько месяцев вели переговоры с федерацией, и до вчерашнего дня всё ещё не было ясно, – сказал Херонимо.

– Я хочу сказать только одно, – заключил Эстебан. – Любой тренер и любой игрок сочтёт за счастье играть с такими великими командами, с которыми предстоит играть вам.

Некоторое время мы молчали, глядя на них. Тут руку подняла Мэрилин.

– Ну-ка, красавица, – сказал Эстебан, – что ты хочешь спросить?

– Вы всегда говорите так, по ролям, или вы это репетировали? – очень серьёзно спросила Мэрилин.

В зале захихикали.

Эстебан и Льоренте переглянулись.

– Какая остроумная, – сказал Херонимо.

– Они говорят так же, как мои родители: один заканчивает предложения другого, – сказал Камуньяс.

Фелипе поспешил вернуть разговор в деловое русло.

– Дать три дня на подготовку к турниру такого уровня, – сказал он, обращаясь куда-то вглубь себя, – это безумие. У нас не будет времени ни на продумывание тактики, ни на тренировку, ни на...

– Ну какая тактика? О какой тактике идёт речь? – прервал его Херонимо. – Ну будет у вас на два дня больше, что вам это даст? Они же Реал Мадрид, Барса и Атлетико! Или вы серьёзно думаете выиграть у них? Нет, я, конечно, восхищаюсь вашей смелостью и командным духом... Но поймите, это всё неважно. В вашем случае главное – это участие и удовольствие...

– Ну, и сам турнир, конечно, – добавил Эстебан.

– Сам турнир, конечно, тоже, – сказал Херонимо.

– К тому же, так как вас покажут по телевидению... – продолжал Эстебан.

– Мы не сказали вам, что турнир будет транслироваться в прямом эфире? – невинно спросил Херонимо. – Вот, говорим!

– Только, ребята, давайте потише, а?

– Поттише, да. Ваше дело – играть в футбол. Остальное мы берём на себя.

– Они снова так говорят, – сказала Мэрилин.

Выходя из актового зала, Херонимо и Эстебан ещё раз повторили, какая это всё для нас великолепная возможность, и что такие шансы даются раз в жизни.

Они уже почти ушли, но в последний момент вдруг обернулись.

– Ах, и ещё одна деталь, – сказал Херонимо.

– Ничего особенного, просто незначительная мелочь, – сказал Эстебан. – Дело в том, что, дав разрешение на проведение турнира, федерация поставила нам небольшое условие.

Все внезапно замерли. Наступила полнейшая тишина.

– Я знала это! – сказала Алисия.

– Я тоже знал, – сказал Грустный.

– В последний раз, когда вы ставили нам условие, мы чуть не потеряли место в Лиге, – сказал Фелипе.

– На этот раз действительно мелочь, – сказал Эстебан, не обращая особого внимания на Фелипе.

– Совсем-совсем маленькая... – закивал Херонимо.

– Вам станет смешно, когда вы узнаете...

На самом деле, когда они, наконец, сказали нам, о чём идёт речь, никому из нас смешно не стало.

Ни чуточки.

- Франциско, я не собираюсь расследовать, кто написал эту чушь на стене школы, – сказал мой отец, теряя терпение.
- Но, папа... – начал возражать я.
- Кому какое дело, с кем целовалась твоя девчонка? – сказал мой брат.
- Это не чушь, всё очень серьёзно, к тому же это ложь, и

главное... она не моя девчонка! – выпалил я.

Мы завтракали на кухне. Это был один из немногих моментов дня, когда вся семья собиралась вместе.

Мой отец окунул огромное печенье в кофе с молоком, а затем поднёс его ко рту. Мама пила апельсиновый сок, не переставая при этом двигаться по кухне и переставлять какие-то вещи.

– Прекрати досаждать отцу, Франциско, – вмешалась она в разговор. – Главное, что Атлетико приезжают в наш город. Мне кажется, нам всем следует сосредоточиться на этой теме. Ты будешь играть с Атлетико, милый!

И она меня поцеловала. А потом сделала большой глоток сока.

– Он будет играть против Атлетико, а это совсем не одно и то же, – заметил мой брат, который был занят намазыванием своего тоста маслом, джемом, и всем, что под руку попадётся.

– Ну да, ну да, – сказала мама.

– Но дело в том, что эта надпись... – снова попытался было начать я.

— С надписью мы закончили, точка, — сказала мама. — Посмотрим, готовы ли мы к тому, к чему должны быть готовыми.

— К турниру и к встрече с Атлетико, — добавил отец.

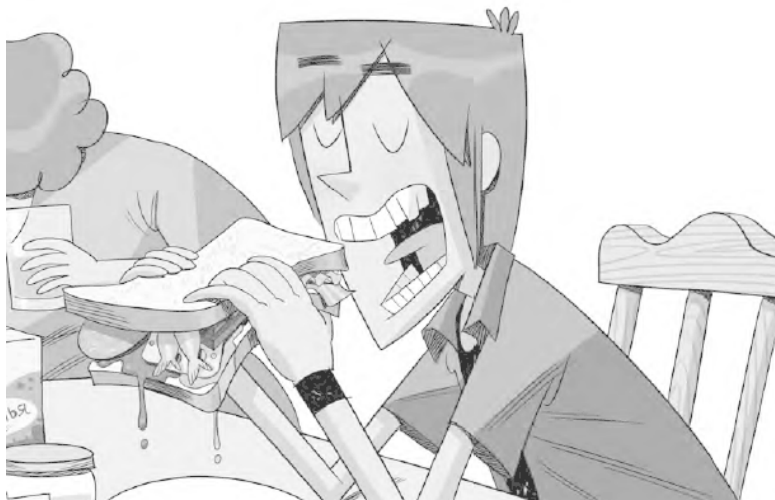
— Вот именно, — кивнула мама.

Я пожал плечами. Тогда я ещё и понятия не имел, какой важной для всех станет эта надпись совсем скоро, и как много ещё вещей произойдет до того, как станет известно, кто её оставил.

Мой брат Виктор доел свой тост и воспользовался возможностью, чтобы задать вопрос, который в тот момент вол-

новал его больше всего.

А больше всего на свете его волновало, почему мы не поехали кататься на лыжах на Рождество, как в предыдущие годы.

Он сказал:

– Я просто не понимаю, почему именно в этом году, когда столько снега, мы не катаемся.

Моя мама, не переставая двигаться по кухне и непрерывно что-то делать, посмотрела на него как на сумасшедшего.

– Эмилио, может, ты объяснишь своему сыну? У меня

ощущение, что в этом доме каждый думает только о себе. Так дело не пойдёт.

С этими словами она вышла за дверь, направляясь то ли в ванную, то ли в гостиную.

Отец посмотрел на Виктора и очень спокойно сказал:

– Виктор, в этом году мы не можем ехать кататься на лыжах. Приезжает Атлетико и...

– У нас дома всё всегда вертится вокруг Гнома и его футбольной команды. Это несправедливо.

И Виктор тоже вышел за дверь, бормоча что-то себе под нос.

Я посмотрел на отца. Мы были вдвоём.

– У Виктора в классе есть девочка Эли, или как-то так, она едет на лыжах, вот он и взбесился... – сказал я.

– Осторожнее с этими вещами, – сказал отец.

– Да-да, я понимаю, – кивнул я, – просто эта история с надписью...

– Далась тебе эта надпись! – сказал отец и тоже вышел.

Короче говоря, я остался на кухне один наедине со своими хлопьями с молоком. Из коридора раздавались голоса: мои ругались.

– Я хочу покататься на лыжах, а если вы не поедете, я и один могу! – выступал мой брат.

– Так, разговор окончен. Никаких «один», мы все остаёмся, – отрезала мама.

Так как все ужасно кричали, я тоже решил повысить голос

и крикнул из кухни:

– Виктор хочет покататься на лыжах, потому что ему нравится девочка из его класса, Эли, или как там её!

– Заткнись! – крикнул брат.

– Замолчите оба! – рявкнула мама. – Никаких надписей на стенах, лыж и девчонок. Все думаем о том, что приезжает Атлетико. И взрослая это команда или детская, в данном случае абсолютно неважно.

– Но, мама... – начал было возражать Виктор.

– Чушь собачья! – оборвала его мама.

А когда мама говорит «чушь собачья», это, как известно, означает: «разговор окончен». У нас это что-то вроде правила в семейном кодексе, и все его знают.

Через пару секунд в дверях кухни показалась голова Виктора. Я посмотрел на него, улыбнувшись и сделав милое лицо. Брат зыркнул на меня с таким видом, который можно было расшифровать только одним способом: «Ты ещё очень сильно об этом пожалеешь!»

Впрочем, расшифровывать ничего не пришлось, потому что секунду спустя он сказал:

– Ты ещё очень сильно об этом пожалеешь, Гномик. Не думай, что я так это оставляю.

Совет: когда надумаете сердить старших братьев, соблюдайте предельную осторожность.

Семь золотых правил:

1. Офсайд касается только игровой зоны (остальная часть поля ни при чём)
2. Каждая команда может владеть мячом не более 30 секунд, не осуществляя атаки по воротам противника.
3. Если мяч пересекает границу поля соперника, он уже не может вернуться на своё поле.
4. За несогласие с судьёй или симуляцию фола полагается

жёлтая карточка и удаление с поля на две минуты.

5. За серьёзный фол против соперника – жёлтая карточка и удаление с поля на две минуты.

6. После трёх жёлтых карточек следует красная карточка и окончательное удаление.

И последнее, самое главное:

7. Судья или тренеры могут обращаться к СОКОЛИНОМУ ГЛАЗУ по три раза каждый.

Когда мы начали тренироваться, мы ещё не понимали некоторые из новых правил.

– Теперь, чтобы играть в футбол, тоже нужно зубрить, – заворчал Томео.

– Подумаешь, несколько незначительных изменений в правилах, – сказала Анита.

– Тебе хорошо говорить, для тебя вообще правил не существует, ты ж вратарь, – сказала Мэрилин.

– К тому же ещё и запасной...

– Ладно, хватит ныть, – перебила Алисия.

Судя по всему, члены Федерации согласились на турнир в обмен на тестирование новых правил, которые они давно хотели внедрить в футбол.

– Представьте, что вы первопроходцы, – сказал Фелипе. – Космонавты, первооткрыватели, первыми ступившие на но-

вую...

– Я бы предпочёл обычные правила, – сказал Тони.

– И я.

– И я...

– Вот-вот, и я тоже...

– Хорошо, хорошо, – сказал Фелипе. – Вы правы, но тут вот какое дело. Приезжают Барса, Реал Мадрид и Атлетико.

И нам не просто предстоит играть с ними, нам предстоит играть по новым правилам. И в довершение всего, у нас практически нет времени, недавно у нас была самая худшая серия матчей за всю историю команды и для полного счастья стоит жуткий холод...

– Фелипе, ты же тренер, ты должен подбадривать нас, а не наоборот, – сказал я.

– Да-да, ты абсолютно прав: мы тренеры, – сказала Алисия, взглянув на Фелипе, – и я уверяю вас, что мы сделаем всё возможное...

– А мне нравится фишка с полем противника, – сказала Алёна.

– Чего? – не понял Томео.

– Ну, это правило, когда, если мяч летит на поле соперника, он не может вернуться обратно, – сказала Алёна.

– Это способ усилить работу атакующих, – сказала Алисия.

– Это способ сойти с ума, – сказал Грустный. – Держу пари, в первой же игре мы забьём мяч в свои ворота.

– Этого не будет, Грустный, мы же в курсе правил уже, – сказал Восьмой.

– Вот увидишь...

– Ну, я думаю, что лучше всего будет попробовать поиграть немного и посмотреть, что к чему, – заключила Алисия.

Мы были на школьном дворе. Мы приготовились к небольшому тренировочному матчу. Разделились на две ко-

манды, и игра началась. Скажу коротко: это был абсолютный кошмар.

Мы не смогли провести ни одной атаки. Несколько раз мы делали бэкфилд. При этом то и дело кто-нибудь останавливался, чтобы задать вопрос Фелипе или Алисии.

– А теперь я могу сделать пас назад, если мяч находится в том же поле?

– Как узнать, сколько секунд мы владели мячом?

– Что это за «Соколиный глаз»?

Соколиный глаз. Это было главное новшество турнира. Современные технологии спорта в действии. Самые современные технологии.

– Я уверен, что вы видели подобное в теннисе, – сказал Фелипе.

– Это видео, сделанное сверху, которое можно проиграть на супермедленной скорости, чтобы понять, был аут или нет, например, – добавила Алисия.

– Да, я видел такое, когда играл Рафа Надаль, – сказал Камуньяс

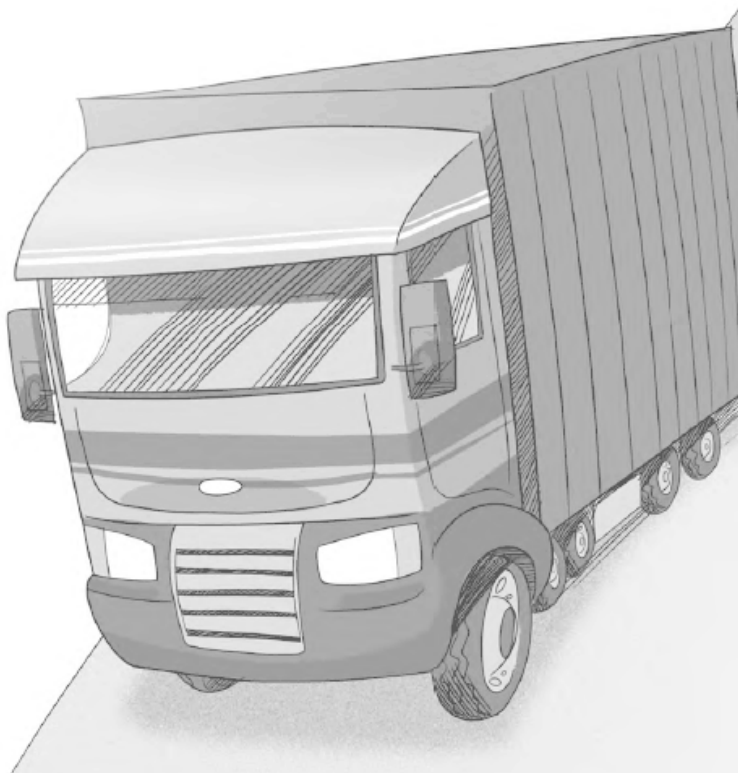
– Совершенно верно, – кивнул Фелипе.

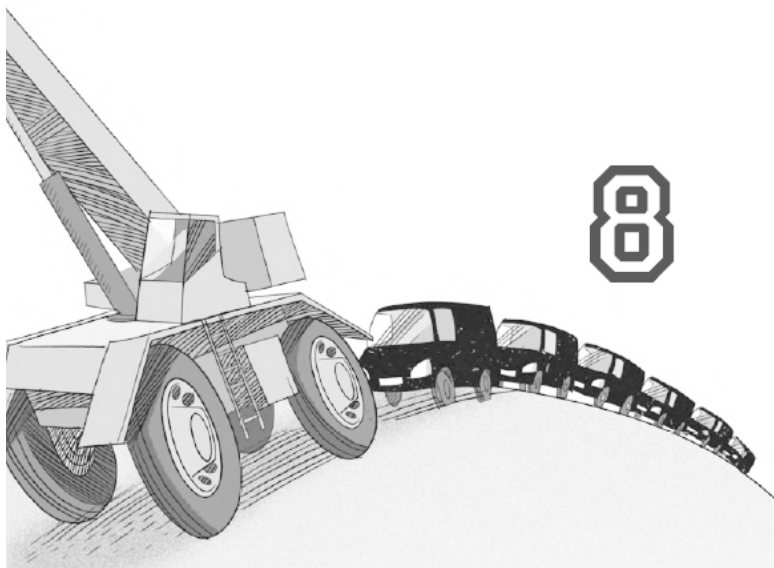
– Ну вот, здесь то же самое, – сказала Алисия, – с этой технологией мы сможем разрешать спорные ситуации: определять, был ли гол, фол или аут...

Мы все посмотрели наверх.

– Но тут ведь нет никаких камер, – озадаченно сказала Мэрилин.

И в этот момент за нашими спинами послышался ужасный шум.

Вскоре перед нашими глазами появился огромный грузовик, следом за которым ехала колонна из кранов и шести или семи чёрных фургончиков. Напомню, всё происходило посреди школьного двора. Машины припарковались прямо перед футбольным полем, и из них стали выходить какие-то люди, видимо, рабочие. Их было так много, что всё происходящее больше напоминало высадку войск.

Вскоре прибыли Эстебан и Херонимо, которые разговаривали с этими людьми так, как будто знали их всю жизнь.

– Видели, какая мощь? – с гордостью произнёс Херонимо. – Ультратехнологии приходят в Севилью-ла-Чику. Это будущее! Это «Соколиный глаз»!

– Да уж, вижу, – сказал Фелипе, сглатывая слюну.

Эстебан откашлялся и заговорил таким тоном, как будто он проводил один из своих научных уроков:

– Речь идёт о компьютерной системе, которая вычисляет положение мяча путём 3D-съемки. Как минимум две камеры сделают снимок одновременно, благодаря чему, руководствуясь законами физики, мы сможем интерполировать различные положения мяча, рассчитывая его путь и способ взаимодействия с игровой зоной.

Мы все уставились на него, как будто он вдруг заговорил по-японски.

– Это нужно, чтобы избежать ложных голов, – пояснил Эстебан.

– И ещё для многого другого. Увидите, – добавил Херонимо.

Тем временем техники приступили к работе с бешеной скоростью, в связи с чем нам пришлось покинуть футбольное поле.

– Невозможно тренироваться в такой обстановке, – сказала Алисия.

Но никто не обращал на неё внимания. Мы все смотрели

на рабочих и технику, с помощью которой они устанавливали знаменитый «Соколиный глаз».

Для начала напротив каждого ворот было установлено по два крана. С каждого из них свисало по четыре камеры: две наверху и ещё две спереди и сзади. От каждого крана тянулось множество кабелей разных цветов, которые другие рабочие тянули к единому столу управления. Стол поставили чуть поодаль и накрыли его шатром зелёного цвета. Внутри располагались два огромных компьютера. На трёх гигантских мониторах крутили видео с записью различных угловых.

Но это было ещё не всё.

Другой огромный кран, намного более высокий, чем предыдущие, въехал на поле, держась за прицеп гигантского грузовика. Он встал перед боковой, и его стрела начала растягиваться всё больше и больше, пока, наконец, не поднялась метров на десять или пятнадцать над землёй. Мы посмотрели вверх и увидели, что к кончику стрелы крана прикреплены несколько фотокамер.

– А это что за устройство? – спросил Эстебан у одного из рабочих, который был похож на главного.

– Это материнский кран, – ответил мужчина, не отрываясь от своей работы.

– Ах вот оно что, – произнёс Эстебан, как будто понимал, о чём идёт речь.

– Жесть какая, – сказал Камуньяс, озвучивая нашу общую

мысль.

– Мы вообще сможем продолжать тренировку в таких условиях? – спросила Алисия.

– Боюсь, что нет. Это оборудование очень сложное и очень дорогое, и я не могу позволить группе детей находиться рядом, – сказал главный техник.

– Ну и прекрасно, – сказала Алисия, которая выглядела ужасно рассерженной. – Знаете, что я вам скажу? Это просто прекрасно.

И, резко развернувшись, она двинулась в раздевалку.

– Алисия, не надо так, – сказал Фелипе и пошёл за ней.

– Фелипе, у вас ещё будет время потренироваться, – сказал Эстебан, который в свою очередь двинулся вслед за тренером.

– погоди, Эстебан, не уходи. Погляди, это же просто невероятно, – сказал Льоренте, который стоял посреди поля, созерцая камеры, свисающие с кранов.

– Круто, – сказал Тони.

– Они нас в качестве подопытных кроликов используют, – сказала Мэрилин.

– А мне нравится быть подопытным кроликом у этого «Глаза», интересно же, – сказал Камуньяс.

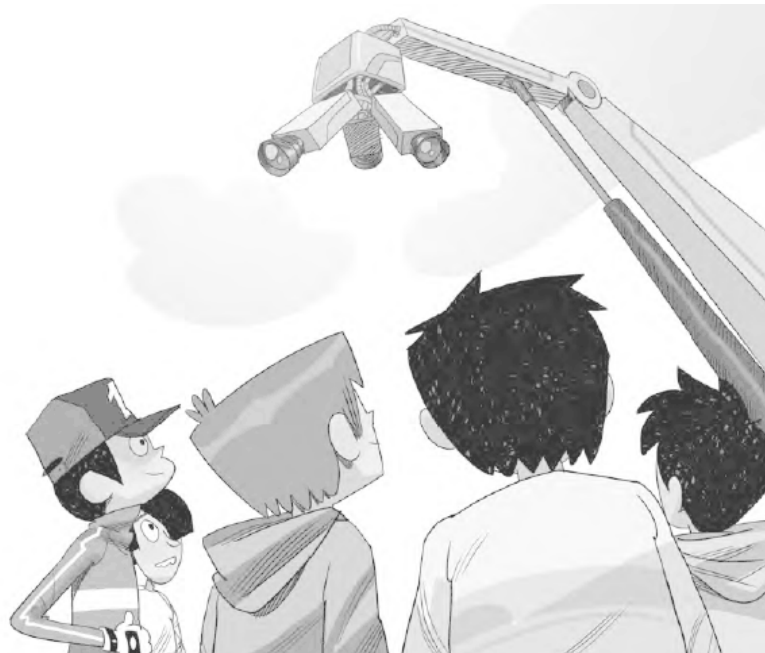
Честно говоря, всё это было очень странно видеть в нашей школе. За последние двадцать четыре часа, даже меньше, наша жизнь резко изменилась. Мы должны были сыграть в турнире вместе с лучшими командами Испании, а вдоба-

вок ещё и первыми испытать на себе «Соколиный глаз» – новейшую футбольную технологию. И всё это, не покидая территории колледжа.

– Ну что? Что ты обо всём этом думаешь, Пакет? – спросила Алёна, которая в этот момент стояла рядом со мной.

Я собрался было что-то ответить, но тут увидел Камуньяса, который тоже был неподалёку.

И тут же забыл и о турнире, и о «Соколином глазе» – обо всём. Я мог думать только об одном. «Камуньяс и Алёна целовались», – гремело у меня в голове. Или всё-таки нет?

– Кто твой любимый герой из «Мстителей»?

– Железный Человек, – ответил я, не раздумывая.

– Так неинтересно, Железного Человека все любят. Назови кого-то другого, – сказала Алёна.

– Ну, тогда... пусть будет Локи, – сказал я.

– Локи – отрицательный персонаж, – Алёна сделала странный жест, – к тому же он не из «Мстителей».

– Да? А я думал, они все из одной истории.

– Вообще-то нет...

– Значит, мне надо назвать кого-то из «Мстителей», кто был бы при этом хорошим?

– Точно, – сказала Алёна.

– А того, кого я хочу, я выбрать не могу? – спросил я.

– Можешь. Ну то есть не совсем, – ответила Алёна.

– Я не понимаю, чего ты хочешь, Алёна, – сказал я, сдаваясь.

– Ты в своём репертуаре, Пакет, – ответила Алёна и улыбнулась.

Что Алёна делала в моём доме и почему мы болтали о «Мстителях»? Ну, просто так получилось. Когда мы стояли в школьном дворе, к Алёне и Камуньясу подошёл Тони и громко сказал им, так, чтобы все слышали:

– Так вы собираетесь объяснять историю с поцелуем или нет?

Похоже, что с Тони происходила та же штука, что и со мной. Ему позарез нужно было узнать, правда то, что написано на стене школы, или нет. Только Тони более прямолинеен, и ему, в отличие от меня, не в лом спросить.

Алёна ответила:

– Конечно, я не буду объяснять. Чушь какая.

После этого она обернулась ко мне и сказала:

– Пакет, пойдём делать уроки у тебя дома, твоя мама нас ждёт.

Насколько я знал, моя мама нас вовсе не ждала, и я не договаривался с Алёной делать вместе уроки. Я посмотрел на Алёну и, пытаясь скрыть удивление, сказал:
– Конечно, давай.

И мы пошли ко мне домой. Правда, позаниматься нам особенно не удалось.

Мама дома не было. Я уже говорил, что в эти дни она очень занята в магазине подарков. Так что всю вторую половину дня мы провели за просмотром мультсериала «Мстители».

Алёна ни словом не обмолвилась ни о надписи на стене

школы, ни о Камуньясе, ни о чём таком. В какой-то момент, когда мы смотрели одну из серий, я краем глаза взглянул на неё, и она заметила.

– Ты чего, Пакет? – спросила она.

– Нет-нет, ничего, – сказал я.

– Я же видела, ты смотрел на меня, – сказала Алёна. – Ты хотел что-то спросить?

– Нет... То есть да... Я об этой надписи... Кто мог такое сделать? Это ж каким идиотом надо быть, чтобы такое придумать...

Алёна какое-то время молчала, потом повернулась ко мне:

– Послушай, Пакет, я расскажу тебе одну вещь, – начала она очень серьёзно, – но прошу, держи это в секрете, иначе я очень разозлюсь.

– Конечно, я никому не скажу, – пообещал я.

– В общем... не знаю, как это случилось... это было глупо... и я не хочу, чтобы ты подумал, что-то не то... Но дело в том, что... Камуньяс и я... то есть... ну, короче говоря, да...

– Да – что?

– Ну, то, что мы с Камуньясом целовались.

Что?!

Значит, это правда.

Алёна-не-путать-с-Еленой целовалась с моим лучшим другом Камуньясом.

Алёна продолжала говорить ещё что-то, но это была какая-то ерунда, не связанная с надписью или с тем, кто её оставил. В общем, я её больше не слушал.

Алёна-не-путать-с-Еленой и Камуньяс. Меня словно парализовало. Будто ударило чем-то тяжёлым по голове. Я не мог пошевелить ни одним мускулом.

– Ну и? – спросила вдруг Алёна.

– Что «ну и»? – не понял я.

– Как ты думаешь, кто это мог быть?

– Понятия не имею. Я вообще думал, что история с поцелуем – враньё.

Алёна посмотрела на меня.

– Пакет, это неважно.

– Да-да, – протянул я.

И мы замолчали. В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошёл мой брат. Он смеялся.

– Пакет, ты себе даже не представляешь, что я только что видел на Фейсбуке. Алёна, привет, не знал, что ты здесь, какой сюрприз... Тем лучше, потому что это тебя напрямую касается... Короче говоря, фотка надписи про поцелуй облетела весь Интернет, она на каждой странице!

И брат показал нам свой планшет. На экране действительно была фотография стены нашей школы со злополучным граффити, а под ней много комментариев, и ещё там была фотка этих двоих. Вообще, было видно, что люди неплохо ориентируются в вопросе, потому что там было много шуток на эту тему, был даже видеомонтаж, в котором Алёна и Камуньяс целовались, после чего на экране демонстрировался взрыв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.